

А'Фэн поднял голову и взглянул на человека, стоящего на ступеньках лицом к ветру.

Он вспомнил обещание этого человека, которое тот дал ему.

«Если ты сначала продержишься и выживешь, я дам тебе фамилию.»

«Ты увидишь не только это немного, ты увидишь еще больше. В этом мире больше не будет рабов. Больше не будет детей, которые будут страдать от той боли, которую испытал ты.»

Он обхватил свою забинтованную руку, бессильно висевшую вдоль его тела, и впервые за много лет опустился на колени и простерся ниц по своей собственной воле, с горячим желанием в сердце.

Опустив голову, он тихо сказал:

- Мой господин.

Таким образом он заявлял о своих намерениях по отношению к господину, стоящему на той золотой сцене. Отныне, остаток его жизни будет принадлежать исключительно его господину.

- Мой господин! Это мой господин.

- С почтением приветствуем моего господина.

Толпа людей на площади закричала в унисон и единодушно опустилась на колени в каком-то забытьи.

Чэн Цянь стояла высоко над ними и наблюдала за мерцающим золотым сиянием, окаймляющим ауры разных оттенков, которое вспыхивало в толпе одно за другим.

Она много раз мечтала о том, чтобы увидеть подобную сцену, надеясь, что ее подданные смогут уважать ее от всего сердца и быть преданными ей именно таким образом.

В ее воображении, как только она достигла бы этого, ее разум и сердце совершенно точно успокоились бы, и она была бы непременно светилась бы от счастья и праздновала свой успех.

Но в этот самый момент, стоя здесь и глядя сверху вниз на всех этих бесчисленных людей, которые были более чем готовы преклонить колени и склонить перед ней головы, она просто чувствовала тяжесть огромной ответственности на своих плечах и не более того.

Там были старинные друзья и незнакомые друг другу люди.

Там были товарищи, которые вместе прошли через жизнь и смерть, а также солдаты, которые впервые сражались бок о бок друг с другом.

Все они без исключения доверили ей свои самое драгоценное на свете – свои собственные жизни. Они смотрели на нее снизу вверх, безгранично доверяя ей.

Они с нетерпением ждали, в надежде стать свидетелями рождения мира, который она обещала им показать.

Чэн Цянье подняла голову, и ее взгляд скользнул по высоким городским стенам, остановившись на далеких горах на горизонте, которые были залиты сиянием заходящего солнца и скрывались за бескрайними розовыми облаками, отражавшими необъятность неба.

Я буду идти вперед, продвигаясь шаг за шагом, больше не поворачивая назад, и никогда не останавливаясь.

Вы все, я не подведу вас, точнее, я не могу позволить себе подвести вас.

Возможно, для меня будет невозможным пронестись через шесть направлений(1) земли под Небесами и править всей нацией. Тем не менее, по крайней мере, я хочу, чтобы каждый из моих людей мог обладать качествами, необходимыми для того, чтобы жить нормальной человеческой жизнью.

Ян Лухоу тайком поднял голову из толпы.

- Это, это хозяин.

Кто-то в толпе протянул руку и прижал его обратно к земле. Ян Шэн тихо прошептал:

- Идиот, теперь ты можешь называть его «мой господин».

- Верно, верно. - Ян Лухоу опустил голову и погладил табличку «Удостоверение» у себя на груди. - Я больше не раб, благодаря милости моего господина.

Ян Шэн слегка приподнял голову и пристально посмотрел сквозь толпу людей. Он увидел господина, облаченного в темно-красное одеяние, который спустился со своего высокого наблюдательного пункта и протянул руку, чтобы поддержать тяжелораненого солдата, облаченного в свободную мантию, который преклонил колени в знак почтения. Этому солдату только что была присвоена государственная фамилия - Чэн Фэн.

Он вспомнил этого Чэн Фэна. Когда они прибыли, часть городской стены уже была повреждена. Именно этот человек возглавлял отряд залитых кровью солдат, которые ценой собственных жизней преграждали путь вражескому генералу, упорно отказываясь отступить. И только благодаря этому они удержали городские ворота.

Он наблюдал за тем, как господин лично помог мужчине подняться на ноги, после чего вручил ему табличку с удостоверением, которая свидетельствовала о его титуле четвертого ранга «Великий Офицер».

Ян Шэн про себя подумал, что этот Чэн Фэн обладал просто невероятной удачей. Он охранял город в течение стольких дней, и уничтожил при этом несметное количество врагов. Добившись таких достижений, он одним махом взлетел вверх по служебной лестнице, превратившись из простого раба в чиновника низкого ранга.

Важно было отметить, что всего существовало двадцать рангов. Можно было попасть в первые три ранга, просто получив побольше вражеских голов в сражении.

Однако, если вы хотели достичь четвертого ранга и выше, это уже было не так просто, скорее даже совершенно недоступно для человека, если, по крайней мере, он не являлся командиром своего собственного подразделения. От вашего подразделения требовалось добыть

определенное количество вражеских голов в дополнение к тому, что потери солдат под вашим командованием не должны были быть слишком большими. Короче говоря, условия дальнейшего продвижения по карьерной лестнице становились все более и более требовательными с каждой завоеванной ступенькой.

Но был и кратчайший путь. Если кто-то внес какой-либо особый вклад в военную кампанию или сражался во главе отряда самоубийц, для него также существовала возможность одним махом перескочить сразу через несколько рангов.

Ян Шэн посмотрел на двоих людей, одетых в красное и черное, которые стояли перед господином.

Эти два человека накопили достаточно военных заслуг, чтобы уже получить некоторые особые привилегии. Так, они были освобождены от налогов на барщину, и им даже не нужно было теперь преклонять колени перед окружным судьей.

И другой человек, который также, как и он сам, вышел на поле боя в тот же самый день, также получил звание самого высокого ранга среди гражданских лиц.

Глаза Ян Шэна загорелись подобно залпам фейерверков, пылая амбициозным пламенем. Я не проиграю им.

Господин уже уходил прочь под охраной вооруженных стражников. Внезапно он обернулся и посмотрел в его сторону. Ян Шэн был поражен и опустил голову, чувствуя тревогу.

Заметил ли меня мой господин?

Нет, не обязательно, должно быть, это просто совпадение.

Но этот день рано или поздно настанет. Однажды я заставлю моего господина заметить меня и узнать, кто я такой.

Чэн Цянье покинула восточную рыночную площадь.

Она и Сяо Цзинь отправились навестить Юй Дуньсу. Он был довольно тяжело ранен и в настоящее время лежал в постели, чтобы восстановить силы. Увидев входящую Чэн Цянье, он поспешно попытался встать, чтобы поприветствовать ее.

Чэн Цянье остановила его и села за круглый стол перед его кроватью.

- Сейчас военное время. Генерал ранен, и гораздо важнее залечить ваши раны, нет необходимости обращать внимание на эти пустые формальности.

Юй Дуньсу с трудом сел в кровати и слегка приподнялся в приветствии.

- К счастью, мой господин прибыл с большим количеством войск как раз вовремя, иначе, даже если бы нам удалось защитить Бяньчжоу, мы определенно понесли бы тяжелые потери.

- Но почему мой господин лично возглавил армию? - озадаченно спросил Сяо Цзинь. - Где

Чжан Фу и генерал Хэлань?

- Как я могу возглавлять армию в одиночку? Это было просто притворство. - рассмеялась Чэн Цянье. - Я позволил Сяо Мо возглавить армию и вести солдат в атаку.

Лицо Юй Дуньсу покраснело от замешательства.

- Хотя Цяошэн - доблестный боец, он все же раньше был обычным рабом. Он всегда отвечал за командование войсками рабов, которые были ответственны за то, чтобы стремиться к смерти и пополнять ряды армии(2). Разве мой господин не подвергся слишком большому риску, позволив ему возглавить армию?

- Ты пока еще не знаешь. - Чэн Цянье склонила голову и расправила рукава. - Большинство из тех солдат, которые пришли на помощь в этот раз, были рабами.

- Тот, кто бросался вперед и прорвался сквозь вражескую линию, был рабом, и тот, кто отрубил больше всего голов, тоже был рабом. - Чэн Цянье слегка улыбнулась, ее сердце переполняли эмоции, пока она продолжала говорить: - Кроме Сяо Мо и Чэн Фэна, есть несколько других воинов, которые отличились на поле боя. И видя их там, вряд ли вы смогли бы догадаться, что их статус самый низший из всех существующих.

- Сейчас, в соответствии с новой политикой, я освободил их из рабства, и они вступили в ряды полноправных граждан государства Цзинь. Отныне понятие «раб» постепенно выйдет из употребления в нашей армии Цзинь. Как двое моих самых доверенных помощников и главнокомандующие армией, вы оба должны первыми взять на себя инициативу по изменению привычных вам идей.

Юй Дуньсу и Сяо Цзинь глубоко вздохнули и обменялись взглядами. Несмотря на то, что новая политика подверглась суровой критике со стороны лиц, принимающих решения в вооруженных силах, оборона города и отражение атаки вражеских сил на этот раз на самом деле полностью зависели от реализации новой политики.

Выражение лица Сяо Цзиня все еще оставалось достойным, когда он глубоко поклонился.

- Хотя Бяньчжоу важен, мой господин - правитель нашей Великой Цзинь, и ваше тело бесценно. С вашей стороны на самом деле было неразумным ввязываться в такую опасную ситуацию. Если бы я был в Цзянчжоу, я бы не согласился с тем, чтобы вы приехали лично.

- Если я должен бесстрастно наблюдать, как вас обоих убивают, а Бяньчжоу попадает в руки врага, я не гожусь для того, чтобы быть вашим господином. - сказала Чэн Цянье. - На этот раз наш Бяньчжоу был в окружении в течение длительного времени, и не только соседние правители проигнорировали все мои письма с просьбой о помощи, но даже те советники, у которых есть личные армии в нашей собственной Цзинь, делали все возможное, чтобы уклониться и отказаться помогать нам.

- В этой войне я поклялся встать на сторону солдат нашего государства Цзинь и самостоятельно отразить нападение армии Цюаньжунов. Я возвращаю авторитет нашей армии Цзинь перед всем миром и дам тем самым пощечину тем людям, которые заинтересованы только в том, чтобы спасти свои собственные шеи. И я надеюсь, что вы двое поможете мне в этом начинании!

Армия государства Цзинь не была сильной, и в течение последних нескольких лет страна находилась под гнетом северных варваров и соседних царств. Как армейские чиновники, они

часто испытывали удушающее чувство разочарования в своих сердцах.

Когда Юй Дуньсу и Сяо Цзинь услышали эти слова от своего господина, они почувствовали, как их сердца воспламенились страстью, сметая мутную обиду, которая копилась в их сердцах годами. Они оба сложили кулаки вместе и сказали:

- Клянусь собственной жизнью следовать за моим господином!

Чэн Цянье сказала:

- Что касается генерала Хэланя, я послал его позаботиться о другом деле. Если он добьется успеха, армия Цюаньжунов немедленно отступит.

В тот момент Хэлань Чжэнь возглавлял 8000 солдат из семьи Хэлань и спешно продвигался вдоль берега реки Цзи.

Все они были одеты в одежду солдат Цюаньжунов и держали во рту деревянные колышки(3). Они вели своих лошадей, у которых были завязаны рты, и каждый из них нес вязанку дров, тихо продвигаясь в темноте.

Их пунктом назначения был Хуанчи, который находился в 20 километрах к северу от казарм армии Цюаньжунов.

Это место использовалось для хранения армейских припасов, и его охраняли около 10 тысяч солдат Цюаньжунов.

Хэлань Чжэнь крепче сжал рукоять своего меча, его глаза сверкнули холодным блеском.

Господин лично возглавил армию, состоящую из рабов и новобранцев, чтобы поддержать Бяньчжоу.

В любом случае, эта армия, собранная по частям в самую последнюю минуту, не смогла бы выдержать длительного противостояния с регулярной и опытной армией.

Даже если бы они положились на мгновение отваги и мужества, столкнулись с врагом лицом к лицу и отбросили его от города, они могли бы спасти город от опасности возобновления осады только на очень короткое время.

В случае перехода войны в затяжную осаду города новобранцам было бы особенно легко впасть в панику и испугаться боевых действий. Неэффективная координация действий, неизбежное поражение, а затем рассеяние и, наконец, мятеж в войсках - все это могло произойти в любое время.

Лицо человека, который всегда улыбался и говорил спокойно и мягко, возникло перед глазами Хэлань Чжэня.

Мой господин уже в опасности. Победа или поражение, все это решится здесь. Я должен захватить Хуанчи и сжечь провизию врага, чтобы спасти Бяньчжоу от опасности.

Глубокой ночью.

Часовой Цюаньжунов, стоявший на сторожевой башне, тихо зевнул.

По его впечатлению, солдаты с Центральных Равнин были слабыми, и над ними было легко взять верх. На поле боя они часто брали верх, когда дело доходило до численного превосходства, но они легко проигрывали, стоило только столкнуться с ними лицом к лицу, что позволяло армии Цюаньжунов жечь, убивать и грабить так, как им заблагорассудится.

Но кто бы мог подумать, что два важных генерала Уцзан Пэйчжэнь и Вэй Миншань возглавят многотысячную армию, чтобы осадить один маленький и незначительный Бяньчжоу и в результате будут непрерывно атаковать город дольше месяца, но до сих пор так и не смогут прорваться через городские стены.

И все же позавчера он услышал весть о том, что генерал, командующий обороной Бяньчжоу, получил тяжелое ранение, и это заставило его предположить, что городские стены будут разрушены через несколько дней. Жаль, что он мог только остаться здесь для охраны армейских припасов и не мог последовать за армией в город, чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией для грабежа в свое удовольствие.

Стоя неподвижно на своем посту, часовой вдруг увидел, как перед ним колышутся тени деревьев. Казалось, что в темноте ночи приближается группа людей и лошадей.

При взгляде издалека казалось, что они несут знамена их собственного воинского подразделения в дополнение к тому, что на них была одежда Цюаньжунов.

Часовой, стоявший на сторожевой башне, подал сигнал другим дежурным часовым, которые охраняли вход под ним.

Наши люди.

Группа подходила все ближе и ближе. Все их лица были измазаны пеплом, и они выглядели спокойными, продвигаясь в полном безмолвии.

Часовой на страже начал задавать вопросы, и солдат, ехавший впереди группы, внезапно бросился вперед вместе со своей лошадью и заколол его одним ударом, после чего ворвался в лагерь.

Часовой на сторожевой башне немедленно попытался позвонить в тревожный колокол.

Несколько острых стрел просвистели в воздухе и вонзились ему в грудь. Он едва успел ударить в колокол, прежде чем свалиться с платформы.

В одно мгновение в лагере воцарился хаос, после чего запоздало прозвенел сигнал тревоги.

Бесчисленные солдаты Цюаньжунов пробудились ото сна и поспешно поднялись, после чего схватили оружие и выбежали из своих палаток. Повсюду в лагере горели костры, и они увидели, как высокие груды зерна пылают ярким пламенем, извергая в небо густые клубы дыма.

Лагерь наполнился звуками резни, повсюду в беспорядке бегали люди и лошади. В буре клинков было трудно отличить друга от врага, и их мечи падали даже на их товарищей с

налитыми кровью глазами.

Их великая армия Цюаньжунов рассеялась и пришла в полное смятение, пока все сталкивались друг с другом, топчя других ногами и оставляя трупы разбросанными более чем на сотню ли вокруг.

Весь остаток ночи и до самого рассвета Хэлань Чжэнь убивал, сжигая вражеские припасы и провизию, уничтожив при этом более тысячи вражеских солдат.

***

1. Шесть направлений - это север, восток, запад, юг, вверх и вниз.

2. (Song si - sòng sǐ) - буквально переводится как стремление к смерти. Потому что солдаты-рабы размещались в самых опасных точках армейского построения, не говоря уже о некачественных доспехах и оружии. Они находились там по больше мере для того, чтобы быть живым щитом «настоящим» солдатам и пополнять ряды армии, таким образом, ища смерти. Т.е., по аналогии с историей уже нашей страны, это по сути те же штрафные батальоны в Великую Отечественную войну 1941-1945гг., которые формировались из заключенных.

3. (Mei - méi) - по сути кляп. В древние времена солдаты держали эти деревянные колышки в форме палочек для еды во рту, во избежание шума во время марша.

<http://tl.rulate.ru/book/51810/2397465>